Рубежи зрелости

Вс. САХАРОВ

ЦЕЛЬНОСТЬ

СЛУЧИЛОСЬ так, что, зная известного литовского прозаика Витаутаса Бубниса по книгам, с самим писателем я познакомился недавно. Было это на берегу одного из бесчисленных литовских озер. Бубнис сидел в окружении молодых литераторов, шла неторопливая профессиональная беседа. Вслушиваясь в нее, я заметил, насколько точно соответствуют облик писателя, его речь и жесты самому стилю его повествования, творческой манере. Та же обстоятельность, раздумчивость, умение найти, выделить центральную проблему, своеобразная традиционность, не поддающаяся соблазну модных новаций. Именно тогда мне особенно ясно стало видно, что творчество Витаутаса Бубниса естественно вырастает из движения личности, целиком захваченной идеями времени, сумевшей найти свое место в жизни и литературе.

Но такая естественность не так-то просто дается. За ней ощущаются поиски и сомнения, вполне понятные ныне, когда традиционная манера повествования все чаще подвергается нападкам в споре о новом языке прозы. Тем ценнее спокойная уверенность писателя в правильности раз выбранной дороги. Хорошо, что в литовской прозе существуют такие устойчивые, прочные, жизнеспособные явления, ценные сами по себе и в то же время позволяющие путем сравнений и сопоставлений разобраться в сложном литературном процессе. Прежде всего это важно для самих литовских прозаиков.

Писательская судьба В. Бубниса неразрывно связана с судьбой современного литовского романа, снискавшего известность как у нас в стране, так и за ее пределами. В первую очередь привлекли читательское внимание романы о войне и первых послевоенных годах, о бескомпромиссной классовой борьбе в литовской деревне. Книги И. Авижюса, В. Петкявичюса, М. Слуцкиса, В. Бубниса о том времени вырастали как бы из недр памяти народной и потому несли в себе великий исторический урок. Ибо на изломе народной судьбы главные проблемы жизни были видны особенно отчетливо, и литовский роман, прикоснувшись к обнаженному жизненному нерву, обрел напряженную трагедийность, многоплановость и стремительность действия.

Все эти черты присущи и «Жаждущей земле» — роману, справедливо считающемуся одним из лучших в ряду произведений о послевоенной литовской деревне. Среди многих проблем писатель сразу выбрал ту, которая стала для него центральной и сделала его роман не похожим на другие. Власть земли, изломы и противоречия крестьянского сознания — это, в сущности, тема всех романов В. Бубниса.

В «Жаждущей земле» проблема «земля и крестьянин» очерчена в самом начале своего развития. Не случайно так красноречиво, значимо само название книги. Земля, это начало всех начал, жаждет мира и спокойного крестьянского труда, жаждет единства, без которого жизнь и работа на ней немыслимы. Люди любят свою землю, но каждый по-своему: кулак Маркаускас видит в ней исправно обогащающую его собственность, народный защитник Юргис Наравас — основу будущей счастливой жизни, ставший бандитом учитель Петрашка — воспоминания о потерянном прошлом...

Оглядываясь сейчас на трагическую судьбу батрака Андрюса, главного героя «Жаждущей земли», мы видим не только неизбежную гибель человека запутавшегося, не вынесшего бремени внезапно свалившегося на него богатства. И не только в «родимых пятнах» тут дело. В. Бубнис показывает сложное движение крестьянского сознания, способного и к равнодушной батрацкой работе на чужой земле, и к напряженному, самозабвенному труду на земле собственной. Андрюс страдает еще и потому, что чувствует рвется древняя связь с землей, безвозвратно уходит веками складывавшаяся крестьянская жизнь. Новая любовь к земле, желание и умение утолить ее вечную жажду должны прийти, но Андрюсу не дано их обрести. Его трагедия в том, что он не может понять и принять рождающуюся рядом новую, колхозную жизнь, которую уже приняло большинство литовских крестьян.

В центре внимания писателя — разрыв крестьянина с землей и последствия этого трагического конфликта. Последствия социальные и нравственные. Все в «Жаждущей земле» — столкновение противоборствующих сил, взаимоотношения персонажей, перелом в их психологии — подчинено раскрытию главного конфликта. Отсюда особая экономность художественных средств, строгость в отборе героев и ситуаций, напряженность событий, далеких от спокойной эпичности. Само время подсказало автору подобное построение романа.

Однако жизнь продолжается, ставит новые творческие задачи перед литовскими романистами — проследить в современности утверждение тех ценностей, которые завоеваны народом в суровых классовых боях. При этом роман о современности должен был сохранить силу и действенность книг о первых послевоенных годах.

В. Бубнис нашел свой путь к такому роману: в «Трех днях в августе» он снова заговорил о власти земли. Выяснилось, что проблема связи с землей, тема корней, дома, семьи, впервые очерченные в «Жаждущей земле», отнюдь не стали историей. Эти понятия очень много значат и в современной жизни, ими многое поверяется и объясняется. Потому новый роман В. Бубниса оказался весьма актуальным.

Хутор семьи Крейвенасов прочно врос в землю: «Дорогой ценой досталась нам земля, мы не могли с легкой душой отдать ее. Наши отцы и деды свили это гнездо в поте лица, из этого родного гнезда могли нас только вытащить под дулом или вынести в гробу». Эти постоянные воспоминания о прошлом соединяются с напряженными размышлениями о современности, о судьбе крестьянской семьи. «Три дня в августе» начинаются картиной смерти пчелиного роя, этого символа дружной большой семьи. Так древний хутор Крейвенасов многозначительно сравнивается с ветхим, пустеющим ульем.

Молодые Крейвенасы уже не ощущают той власти земли, которая объединяла их предков, помогала им выжить и победить. Нет уже былого единства. Уходит из дому Стяпонас, гонимый страстью к путешествиям. Превращается в приобретателя и циничного делягу другой сын старого Крейвенаса — Вацис. Да и дочь Шаруне, в сущности, чужая в доме и потому так легко его покидает. Поколеблен родной кров, дом, древняя основа. И не потому ли роман В. Бубниса переполнен воспоминаниями? Старики все время говорят о былом: на том дереве жандармы вешали крестьян-повстанцев, там бандиты-националисты схватили колхозного активиста и заставили его рыть себе могилу. Памятью о героическом прошлом живет и бывший председатель колхоза Сенавайтис, в трудные годы сражавшийся с националистами и ныне поверяющий все мерками тех лет. Конец романа ярко подчеркивает главную мысль писателя: в пылающем лесу гибнет Марчюс Крейвенас, и смерть его символизирует гибель старых устоев крестьянского быта.

Да, судьба семьи Крейвенасов неблагополучна. И это неблагополучие достаточно значимо и поучительно. Но писатель не намерен завершить свою книгу печальной нотой безысходности. Символична сама картина пожара, борьбы с пламенем, объединившей всех жителей деревни. Тут и Сенавайтис как бы просыпается и обретает былую энергичность. Единство людей, оказывается, не исчезло, но к нему надо искать новые пути. И их ищут и находят такие герои романа, как председатель колхоза Тракимас, механизатор Дайнюс. Они — новые люди новой деревни.

Легко заметить, что В. Бубнис не боится мрачных тонов. Но трагедия Крейвенасов для писателя отнюдь не самоцель. На протяжении всей книги мы вместе с автором думаем о причинах этой трагедии, взвешивая вину каждого персонажа. И главное, по-видимому, в том, что те старые нити, которые начали рваться в «Жаждущей земле», в «Трех днях в августе» уже окончательно оборваны. Люди ищут нового единства, духовного. Именно об этом беспокоится молодой комбайнер Дайнюс: «...человек сыт, одет, при деньгах... И все-таки недостает чего-то...» Именно в этом высокий социальный и этический пафос романа «Три дня в августе».

Однако В. Бубнис хорошо понимал, что проблемы, очерченные в двух его романах, отнюдь еще не исчерпаны. Потому понятно стремление писателя обрести иной поворот темы. И вот появляется роман «Цветенье несеянной ржи».

Перед нами теперь «городской» роман, повествование о семье рабочего, его труде и быте. Но характерно, что и здесь писатель выступает против бездуховности, черствости, разобщенности людей, ищет корни этих зол: «...люди... вроде заваленных колодцев. Откопай, вычисти всю грязь да муть и доберешься до живого родника». Рабочему Антанасу Петрушонису хочется понять, почему иные его знакомые халтурят, не уважают свой и чужой труд, почему возникают пустота и равнодушие, распадаются некоторые семьи. В поисках истины он снова и снова возвращается в свое прошлое, пытаясь найти истоки этих явлений, определить свою долю вины и ответственности за нее.

Поначалу кажется, что В. Бубнис резко переменил направление своих творческих поисков, оказавшись в русле так называемой «антимещанской» литературы и приблизившись к таким вещам, как, например, «Жажда» и «Адамово яблоко» М. Слуцкиса. Однако стоит приглядеться к новой книге писателя повнимательнее, и мы увидим, что тема «Жаждущей земли» и «Трех дней в августе» продолжена и здесь, пусть на ином жизненном материале, в иной художественной форме.

Судьба Антанаса Петрушониса — это судьба тысяч и тысяч литовских парней, покинувших свои хутора и деревни и влившихся в ряды городского пролетариата. Антанаса, особенно в молодости, часто подводило чувство неприкаянности, он был уверен, что ему, рабочему человеку, достаточно хорошо «вкалывать», а остальное приложится. И все же в основе этого рабочего характера — совестливость, любовь к порядку, умение ценить свой и чужой труд. Потому Антанас Петрушонис, которого многому научили несчастья близких и собственные невзгоды, находит свою дорогу в жизни. То доброе, что сохранилось в нем от деревни, находит развитие в новых условиях, и в судьбе бывшего крестьянина нет тупиков, она открыта и полна новых возможностей.

В романах В. Бубниса крестьянская тема осмыслена во всей ее многогранности. В галерее живых лиц дано сложное движение народного характера, а это возможно лишь при многолетней верности избранной теме. Теперь лучше, отчетливее видны и понятны приверженность писателя к традиционной манере повествования, умение разрабатывать насущно важную проблему во всех ее аспектах, сохраняя однажды найденный творческий стиль. Романы Витаутаса Бубниса говорят об уверенном и целеустремленном движении творческого сознания, о немалых возможностях интересного прозаика и порождают надежды на будущее.

Преданья старины глубокой... Фото А. ХРУПОВА

ИСТОРИЯ И КАЖДЫЙ ИЗ НАС

СТРЕМЯННЫЕ ВРЕМЕНИ

Георгий ШТОРМ

ПРОБЛЕМА, поднятая С. В. Житомирской в ее статье «Что мы оставим в наследство?», — на первый взгляд, такая простая, легко решаемая — при внимательном размышлении оказывается совсем не простой, а весьма и весьма сложной. В ней нужно как следует разобраться и, как говорит восточная мудрость, «подумать направо, подумать налево», прежде чем делать выводы.

Предложение автора статьи собирать архивы «рядовых» советских людей, по-моему, и очень заманчиво, и вызывает сомнения, так как в нем не приняты во внимание выразительность документа и такие социально-психологические приметы, как способности, талант, дар.

Николай Асеев писал:

О Время!
Я рад, что я достиг
держать тебе ныне стремя.

Стремянным Времени может быть всякий, но не всякому дано образно сказать об этом. Нас же при собирании архивов более всего интересует образность, уменье видеть действительность по-своему, неповторимо. Иначе перед нами предстанет мертвое поле зрения, без учета самых существенных штрихов времени, сухой и всегда стандартный реестр.

Важным критерием отбора, по словам С. В. Житомирской, является репрезентативность (то есть представительность. — Г. Ш.) документальных материалов для изучения жизни общества. С этим положением спорить нельзя. Но можно ли утверждать, что весь необъятный поток информации, идущий от наших современников, во всех своих звеньях и элементах **репрезентативен** по отношению к великой эпохе, то есть ее достоин? Полагаю, что нет.

Боюсь, что предложение идти с широким «бреднем» в поисках документальных материалов о современниках таит в себе скрытую и пока еще не осознанную опасность: исключить качество и оставить одно количество, пусть даже в виде отсеянных обычным путем материалов. Это было бы для архивного дела шагом назад.

Разумеется, нужен отбор. Но какой? Даст ли обычный отбор результат в тех масштабах, в каких С. В. Житомирская надеется его получить?.. Тут-то и приходится, хотя бы бегло, коснуться проблемы современного русского языка — литературного и разговорного.

Образность языка нашего идет от «Слова о полку Игореве», произведения глубоко народного, хотя и написанного древнерусским книжником; от наших, тоже глубоко народных по языку своему, летописей; от писаний книжника и бунтаря протопопа Аввакума, показавшего с предельно зримой конкретностью, как он, сидя в заточении, «мышей... скуфьею бил». И та же самая зоркость — в посольских «статейных» списках (отчетах), бесчисленных челобитных XVII и XVIII столетий, в «пожиточных» инвентарных росписях, составленных большей частью малограмотными русскими людьми.

Историк И. Е. Забелин показал в своих трудах, каким поэтическим языком умели излагать свои мысли о виденном эти малограмотные подьячие — составители челобитных, обывательских и теремных (дворцовых) обиходных книг.

«И он, боярин, — записал один из них жалобу холопа на своего господина, — посылал меня по квас, а я пошел не шибко, и он меня с лестницы столкнул и убил до полусмерти». Другие описывали государевы пожитки — сукна «горячева», «жарнова», «железнова», «натова» цвета, «итмышные» (вставные) пуговицы с чернью, ковры с цветами и травами «по малиновой, рудо-желтой и зеленой земле».

Неграмотный русский крестьянин с удивительной зоркостью видел мир и с не менее удивительным умением его отображал. Весенний целительный сок березы он назвал «живицею»; первую траву, что «прочикается» (прорезается) из-под земли — «прочикою» («прорезухою»); о морском отливе говорил: «вода задумалась»; о проточной, незамерзающей воде — «живая». И так было всегда. В годы гражданской войны сыны крестьянские, в богатырских буденовках с алыми звездами, называли тифозных вшей «танками». До чего же метко: и похожи на танки, и везде пройдут!..

Все эти примеры к тому, что свежесть восприятия и его образное отражение не всегда идут в ногу с образованностью. Иногда — как это ни парадоксально — даже наоборот. Кажется, мы не имеем еще ни одной научной работы о роли города и деревни в процессе формирования русской национальной речи за последние шестьдесят лет. А ведь стирание граней между городом и деревней, урбанизация и отлив деревенской молодежи в город не могли не сказаться и на языке.

Год за годом, постепенно, язык в силу этого, естественно, утрачивал свою образность, свежесть и непосредственность: природа и быт чаще всего получали в нем стереотипное отражение, и единственными хранителями «родников Берендея», самоцветного русского слова, мало-помалу становились в деревне одни только самые старые старики. В результате язык, с помощью которого написаны многие письма и дневники наших современников, очень часто дает лишь избитое, ходовое отражение жизни.

О порче современного языка уже говорилось немало, и примеров приведено достаточно... Недавно один выступавший по телевидению наш современник описывал свое впечатление от салюта Победы. «Я впервые, — говорил он, — видел живьем такую феерию». Разумеется, это речевой анекдотизм. Но таких элементов слишком уж много, и этот анекдотизм не может не отразиться на тех письменных источниках, которые мы хотим собирать. Могут ли такие документальные материалы считаться репрезентативными для нашей эпохи? Достойны ли они ее великих дел и великих дней?..

Автор данной статьи надеется, что после всего им сказанного его все же не сочтут сторонником одной только старой крестьянской речи, общинного строя, патриархальной русской деревни с лучиной и деревянной сохой — России соломенных крыш. И, надеясь на это, он решается предупредить архивистов еще об одной опасности, подстерегающей их на пути собирания личных архивов в наши дни. Великое благо — всеобщая грамотность — породило и некоторые отрицательные явления: вызвало к жизни несметное число графоманов и мистификаторов, успешно выдающих небыль за быль.

О мистификации как жанре существует целая литература. Некоторые из этих подделок имеют, как известно, бесспорную литературную ценность. Но когда владельцы личных архивов подделывают биографии послужные списки, автографы великих и знаменитых людей, выдавая их за подлинные «письменные источники», — с этим мириться невозможно.

Архивистам известны случаи, когда люди, без всяких на то оснований, выдают себя чуть ли не за прямых потомков Радищева, Разина, Пугачева, и о явлениях такого рода собирателям личных архивов современников тоже не следует забывать...

С. В. Житомирская признает трудность проведения грани между «рядовым» и «выдающимся» современником. Но именно это обстоятельство и осложняет практическое осуществление ее идеи: ведь в «рядовые» легко могут попасть и поэтому надолго остаться неоцененными по достоинству выдающиеся и, может быть, даже гениальные люди.

В чем состоит наш долг перед историей? Не нарушаем ли мы его, с пренебрежением относясь к письмам, дневникам, записям «рядового» человека нашего времени? Имеем ли мы право судить, каким документам суждено представить вторую половину XX века в будущем? Эти вопросы были поняты в статье С. Житомирской «Что мы оставим в наследство?» («ЛГ», № 37), которой открывалась новая рубрика «История и каждый из нас». Сегодня мы предоставляем слово писателю Г. Шторму, автору ряда исторических романов и литературоведческих исследований, неизменно связанных с напряженным архивным поиском.

Достаточно вспомнить, например, таких пионеров космонавтики, как К. Э. Циолковский, Ф. А. Цандер, Ю. В. Кондратюк и другие, давших еще в первые десятилетия XX века основные черты рабочего проекта ракеты для завоевания космических пространств. В частности, были подготовлены расчеты и чертежи, необходимые для полета на Луну, разрешены труднейшие задачи динамики взлета ракеты, предусмотрена эффективность сброса баков с горючим для преодоления земного тяготения, предложено горючее и сжигание его не в кислороде, а в озоне, что повышает температуру горения, высказана мысль об устройстве орбитальных станций, дан проект модуля для прилунения, предложено использовать гравитационные поля встречных небесных тел для ускорения полета ракеты и ее торможения, а также ядерную энергию — с помощью зеркал-концентраторов — для нужд космического корабля.

Конечно, далеко не сразу эти идеи были оценены по достоинству. Только практическое освоение космического пространства позволило реализовать замыслы, казавшиеся поначалу фантастическими. Естественно, и авторы их долгое время были на положении «рядовых» людей. Их труд как нельзя лучше украсила бы строка Овидия: «Лишь бы я был завещан памятливому потомству».

По-моему, личные архивы таких «рядовых» людей, если бумаги их сохранились, заслуживают почетного места в государственном хранилище.

Предложение С. В. Житомирской — комплектовать советские личные архивы — сигнал ценный и своевременный. Но о каких архивах речь? Ведь фамильные архивы уже сейчас — редкость, их создавали главным образом в дореволюционное время. А современники наши хранят свои реликвии далеко не всегда.

Собирать бумаги современников широким «бреднем», на мой взгляд, означает сохранять для будущего не наиболее яркие черты эпохи, а заниматься стихийным коллекционированием фактов, похожим на «поток сознания». Но если именно это понадобится потомкам для определения «культурной единицы» времени, им в известной мере смогут помочь подшивки современных газет.

Нас больше всего интересует личность современника, живого человека, стоящего за архивным документом. Поэтому применение широкого «бредня» кажется мне опасным для данной благой затеи, ибо **критерий качества** при таком отборе может быть легко утрачен. Позволю себе привести два примера для внесения полной ясности в суть этой статьи.

Артем Веселый, находясь во время гражданской войны в агитпоезде, напечатал в поездной типографии обращение к красноармейцам, сражавшимся на Северном Кавказе, прося их присылать ему письма с описанием наиболее ярких эпизодов, какие им довелось пережить. В ответ на свой призыв он получил более двух пудов солдатских писем, содержащих, по его словам, «груды чистейшего сложенного золота», и на их основе написал книгу «Россия, кровью умытая» — произведение художественное, результат двойного отбора: автора и его корреспондентов — солдат.

Софья Федорченко, собрав в свое время на фронте целый свод русского солдатского фольклора, выпустила в свет три части книги (1917—1927), претендующей на **документальность**, — «Народ на войне». Книга читалась с интересом и приобрела известность. Но вскоре в центральной печати выступил Демьян Бедный, упрекая автора в литературной обработке фольклора и доказывал, что она искажает народный характер. Документальная основа подверглась обработке в обоих случаях, и надо сказать, что в своем первоначальном виде до архивистов не дошла.

Но представим себе, что материалы, легшие в основу обоих этих разных в жанровом отношении произведений, поступили в архив. Солдатские письма, собранные А. Веселым, вероятно, все оказались бы подлинными документами эпохи. Что же касается записей С. Федорченко, то скорее всего архивистам пришлось бы задуматься над их подлинностью. Оба примера поучительны и полезны для разработки путей собирания архивов наших современников. «Стремянные Времени» должны быть представлены в архивах достойно — материалами выразительными и подлинными, не вызывающими сомнений. А процесс собирания их, как мне кажется, должен состоять из двух этапов: на первом организуется **целенаправленный** сбор интересующих нас документальных материалов, причем владельцы их (если это возможно) сами выделяют для архивного хранения наиболее ценные документы; на втором — уже в архиве — происходит распознавание подлинности этих материалов и **более строгий** их отбор, точнее говоря — **фильтрация**. При таком подходе мы сможем с большей уверенностью решать: какова истинная репрезентативность этих документов эпохи, каковы искренность и свежесть образов, рисующих действительность в бумагах того или иного личного архива, отражающего наши дни.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

З. И. ФАЗИНУ — 70 лет

В связи с 70-летием со дня рождения Зиновия Исааковича Фазина секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с 70-летием со дня рождения. Свыше тридцати пяти лет назад Вы создали одну из своих первых книг «Крепость на Волге», рассказывающую о событиях и героях гражданской войны. С тех пор все свое творчество Вы посвятили высокой революционной теме. Большой и заслуженной популярностью юных читателей пользуется Ваша «Санкт-Петербургская быль», главная героиня которой — бесстрашная революционерка Вера Засулич. Повесть «Нам идти дальше» вдохновенно рассказывает о рождении ленинской «Искры». В круг чтения наших школьников прочно вошли такие Ваши произведения, как «Товарищ Серго», «Впервые», «Последний рубеж», «Железный перстень», «Твори в огне» и другие. От всего сердца желаем Вам долгих лет здоровья и творческого счастья».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. Л. ПЛАВНИКУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по азербайджанской литературе направили Абраму Львовичу Плавнику приветствие:

«От всего сердца поздравляем Вас, известного русского поэта и переводчика, с шестидесятилетием со дня рождения и сорокалетием творческой деятельности.

Одним из Ваших поэтических сборников носит название «Город моей судьбы», и это весьма знаменательно, ибо с ранних лет Вы связали свою жизнь и литературную судьбу с Баку, с Азербайджаном, его литературой. Исполнены высокой гражданственности, любви к родной земле, к ее героическим людям и другие Ваши юношеские стихи — «Ливет на камне», «Журавли над бухтою», «Совесть».

Широко известна тонкая Ваша переводческая деятельность. Не одно поколение азербайджанских советских поэтов — среди них такие крупные мастера поэтического слова, как С. Вургун, С. Рустам, М. Рагим, — находило дорогу и сердцам русских читателей в Ваших переводах. С интересом встречены читателями Ваши последние работы — перевод произведений классика азербайджанской поэзии И. Зарифа и эпической поэмы Габиля «Насими».

Желаем Вам долгих лет жизни, новых творческих успехов, счастья».

Г. С. ТАМРАЗЯНУ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по армянской литературе направили Гранту Сибатовичу Тамразяну приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного критика и литературоведа, доктора филологических наук, профессора, с пятидесятилетием со дня рождения.

Вы внесли заметный вклад в развитие современной армянской литературы и литературоведения. В республике и за ее пределами известны Ваши журнальные и газетные выступления, посвященные злободневным проблемам современной литературы, творчеству отдельных писателей. Особенно памятны читателям Ваши статьи, посвященные проблемам советской поэзии.

Вы являетесь автором ряда историко-литературных и литературоведческих исследований о классике армянской литературы Александре Ширванзаде: «Александр Ширванзаде», «Драматургия Ширванзаде» и других работ. Литературная и научная общественность республики тепло встретили такие Ваши книги, как «Скиталиато», «На литературных путях», «Молодой Чаренц», «Деревня Демирчяна». За учебник армянской литературы для девятого класса средней школы Вы удостоены Государственной премии Армении, а за книгу «Молодой Чаренц» получили первую премию на конкурсе, посвященном 50-летию республики.

Многие годы Вы ведете большую научно-педагогическую работу в качестве профессора и заведующего кафедрой армянской литературы в Ереванском государственном университете.

Мы знаем и уважаем Вас как активного общественника, авторитетного литератора-коммуниста, сочетающего научно-творческую работу с повседневным участием в работе писательской организации республики.

Желаем Вам крепкого здоровья, личного счастья, новых творческих успехов на благо многонациональной советской литературы».

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.